

Бахыт

Карибаева

доктор филологических наук, профессор

ПОЭТИКА СЛОВА И НАЦИОНАЛЬНОЕ СОЗНАНИЕ

Писатель и критик, доктор филологических наук, профессор Бахыт Карибаева с 1987 года последовательно и концептуально отстаивает свою научную позицию, основанную прежде всего на художественных принципах в возрождении казахской духовности посредством национальной художественной литературы.

Уже в период работы в КарГУ им. Е. Букетова Бахыт Карибаева занималась вопросами литературоведения, которые ранее не исследовались в рамках советской литературы, заложив основы специальных научных курсов «Эстетика фольклора», «Поэтика казахской лирики», «Современная казахская проза» (стилистика-жанровые аспекты). Есть основания считать Бахыт Карибаеву, поднимавшую острые вопросы казахской литературной критики, первым литературоведом, утвердившим в казахской литературе новую исследовательскую методологию, последовательно используемую ею в своих работах.

Продолжив творческую и научную карьеру в Алматы, ученый три года работала заведующей отделом в Доме-музее Мухтара Ауэзова, затем с 2001 года – в ЖенПИ им. Абая, где подготовила научно-исследовательский проект «Казахская литература в парадигме XXI века», вызвавший интерес специалистов и одобренный в 2006 году Министерством образования и науки с присуждением исследовательского гранта. Ее книга «Художественные аспекты развития современной казахской литературы» вошла в список учебников и учебных пособий для 5–11 классов средних школ и прошла апробацию в казахских школах Караганды.

Сегодня Бахыт Карибаева – автор восьми монографий и около 300 научно-критических статей и художественных эссе. Среди них «Поиск безымянного» (Алматы: Жалын, 1984), «Высота» (Алматы: Жазушы, 1984), «Поэтика современной казахской лирики» (Алматы: Жазушы, 1988), «Современная казахская лирика» (Караганда: КарГУ, 1993), «Ауэзов – мировая величина» (Алматы: Мерей, 1999), «Казахский традиционный стих и лирика» (Алматы: Академия образования, 2001), «Художественные аспекты развития современной казахской литературы» (Астана: Елорда, 2001), «Керуен» (Астана: Фолиант, 2014).

В 2013 году казахский ученый приняла участие в Международной конференции в городе Чите (Российская Федерация), выступив с докладом «Интерпретация текста: лингвистический, литературоведческий и методический аспекты». Ее статья «Живой Жумекен» о малоисследованном творчестве казахского поэта Жумекена Нажимеденова, автора текста гимна Казахстана, вызвала большой интерес у российских коллег-филологов.

В 2015 году в Национальной библиотеке Алматы прошла презентация концептуальной книги Бахыт Карибаевой «Керуен», изданной в 2014 году в рамках программы «Библиотека Сарыарки», в которой она представила свое научно-художественное видение актуальных вопросов современного литературоведения: зачем казахской литературе нужна новая концепция и как презентовать ее миру в качестве мерила национальной духовности?

На презентации этого труда о самой книге и творчестве автора высказались известные ученые и писатели Алибек Аскараров, Аманхан Алим, Газизбек Ташимбай, Болат Шарыхымбай, Торегали Ташенов, Сауле Ержанова, а также Насип Нажимеденова, отметившие вклад ученого в современное литературоведение и последовательное отстаивание идеи «беззаветного служения слову ради торжества иррационального над материальным», ведь «литература – это неустанная работа духа».

Именно по этим признакам, считает исследователь, узнают и будут узнавать во всем мире казахскую поэзию, представленную именами Толегена Айбергенова, Мукагали Макатаева, Жумекена Нажимеденова, Кадыра Мырзалиева, Туманбая Молдагалиева, Мухтара Шаханова и других классиков, сохранивших в своем творчестве код национального сознания, утверждающих казахскую национальную идентичность в мире «со своим неповторимым местом, – по словам Н. А. Назарбаева, – казахского народа на глобальной карте XXI века».

В 2019 году книга Бахыт Карибаевой «Керуен» вышла на русском языке, доказывая необходимость ее исследовательских трудов в общественной актуализации государственной программы «Рухани жаңғыру» в современном научном, образовательном и литературном процессе Казахстана. Журнальный вариант статьи из этой книги мы предлагаем вниманию читателей «Простора».

Любовь Шашкова

ВМЕСТО ВСТУПЛЕНИЯ

Современная казахская лирика являет собою расцвет многовековой национальной поэзии. И это не случайный каприз жанра, а исторически обусловленная закономерность, поэтому анализ казахской лирики требует, прежде всего, исследования национального поэтического языка, эстетических ценностей казахского народа. Иными словами, мы должны воспринимать данный литературный феномен как единое духовное явление, без расчленения на его составляющие. Современная лирика должна получить объяснение также с точки зрения исторической поэтики, причем не столько в хронологическом аспекте, сколько с точки зрения выяснения национальных особенностей казахской поэзии, выявления ее глубинных истоков.

Здесь важно помнить два определяющих момента: во-первых, само понятие «поэтика» претерпевает известные метаморфозы в соответствии с конкретной эпохой; во-вторых, художественно-поэтические особенности лирики определяются специфически национальным комплексом нравственных, этических, эстетических, философских представлений конкретного народа.

Выбор темы и разработка сюжета, образно-метафорическая насыщенность и многозначность поэтического выражения – эти и многие другие художественные приемы в многовековой своей истории дали универсальную систему магического воздействия Слова на человеческие чувства и сознание. В этой связи необходимо отметить важность осмысления национального художественного опыта, вскрытия идейных, эстетических и психологических доминант, определяющих своеобразие казахской литературы. В этом истоки одной из наиболее сложных проблем литературоведения – проблемы традиции и новаторства.

Здесь кроется не менее важная проблема соотношения национального и интернационального в художественной практике казахского народа, более того, эта проблема неминуемо вырастает до степени обобщения роли и значения национальной литературы и культуры, что возможно лишь на основе фундаментальной теории национальной поэтики. Все эти задачи выступают особо резко, будучи сфокусированы на локальный объект казахского литературоведения – историю национальной лирики.

поэзии. «Может, когда я усталый прилягу – сон волшебный?» – сколько мудрой простоты в этих словах. В определенном смысле перед нами философская концепция. Ее надо понимать как древневосточную доктрину иллюзорности сущего. В труде вдохновенном поэт видит красоту жизни, ее смысл и счастье.

М. Макатаев умело использует опыт великой народной поэзии. Нетрудно заметить, что, вернувшись в стихию традиционного казахского стиха, поэт несется на крыльях вдохновения. «В этом голосе жеребенка сила тулпара, взял меня в полон этот голос» – это уже не горожанин. М. Макатаев воспринимает ржание жеребенка как зов его далеких предков, поклонявшихся коню как символу солнечного божества. Поэт зачастую проводник мыслей и чувств, не ему лично принадлежавших. Может быть, в этом и заключается суть национального образа мышления, национальной поэтики.

Для казахских поэтов вообще характерно почти фанатичное поклонение музыкальному искусству своего народа. Это одна из традиций музыкальной культуры. Как многообразие концентрируется в образном ядре кюя, так и любой внешний звук адекватен песне, мелодии, музыкальной фразе:

Что это за голос – печально-неслыханный,
Искра, обжигающая душу,
Кюй – симфония, бередящая душу,
Что это за голос – печально-неслыханный?
И в небе и в сердце – ищу я тщетно...

Это из стихотворения Мукагали Макатаева «Песня».

Айналайын!
Край отцов! Священный край!
Какой же казах отыскал тебя?
Да, сладок воздух Родины,
Сладок!

ЖУМЕКЕН НАЖИМЕДЕНОВ

Среди своих громогласных сверстников Жумекен Нажимеденов был сосредоточенно замкнут, порой даже застенчив. Поэзия его не из тех, что быстро находит читателей, наоборот, вдумчивые читатели сами ищут поэзию Ж. Нажимеденова. С каждым годом это становится яснее, и, кажется, вслед за читателями и критиков потянуло посмотреть, что за тайна кроется в этих неброских, неэстрадных стихах.

Прежде всего, на наш взгляд, Ж. Нажимеденов оградил свой поэтический мир от мира внешнего, будущего, непостоянного. Но это не вакуум. Просто поэт перенес явления и факты жизни в новое, по универсальной шкале отмеренное, бескомпромиссное измерение. Возможно, это измерение истины. Во всяком случае, все, попавшее в этот мир, освобождается от всего фальшивого, наносного, украшательского, короче, становится самим собой. И тогда начинается суд поэта. Суровый, порой безжалостный суд. Поэзия Ж. Нажимеденова во многом еще не

прочитана, хотя книги его всем известны, язык его иносказаний не расшифрован, поэтика не разгадана. Нами сделана лишь попытка установить ориентиры в поэтике Ж. Нажимеденова.

Жумекен Нажимеденов – поэт мысли. Поэтому его лирика производит впечатление не одинокой мелодии, а сложной симфонии. Вместе с тем Ж. Нажимеденов – поэт глубоко национальных традиций: «Тайна национальности каждого народа заключается не в его одежде и кухне, а в его, так сказать, манере понимать вещи», – отмечал В. Г. Белинский. Лирике Ж. Нажимеденова свойственен негромкий, задушевный тон: обнимая широкий диапазон проблем, обладая широким арсеналом художественных средств, поэт сознательно избирает для своих произведений форму доверительной беседы с читателем. Поэт не развлекает своего читателя, он заставляет его переживать вместе с собой. «В словесном споре ценны не эмоции, а находчивость», – гласит казахская поговорка. Это наблюдение справедливо можно отнести к области народной поэтики, богатая традиционность которой не отменяет, а скорее предопределяет своеобразие индивидуального творчества.

Он принадлежит к категории поэтов, чьи творения не выплескиваются наружу от избытка чувств для постороннего глаза, это воистину «храм поэзии», вход в который доступен лишь по билетам высокой культуры поэтического слова. «Через прицел языка, стреляя шутками, попадаешь в цель, если владеешь секретами слова, но чаще попадаешь впросак: чувства выходят из-под контроля, и собственная мысль хватает тебя сзади», – так описал поэт процесс творчества. Поэт отчетливо понимает необходимость «фиксации» поводов чувства путем образного выражения мысли, но это поводом, судя по всему, сильнее авторского желания. В этом тоже есть своя закономерность, ибо поэзия без чувства выражается схоластикой.

В то же время Ж. Нажимеденов далек от мысли акцентировать в своих произведениях только эмоциональный аспект. Он стремится передать свое видение мира, свою эстетику и философию жизни. Так получается, что в центре его поэзии стоит личность самого поэта, время измеряется биением его пульса. В этом и слабость, и сила творческого метода Ж. Нажимеденова. Слабость, на наш взгляд, заключается в изолированности от внешнего мира, а диалог с этим миром – посредством «форточки» авторского самовыражения. Но постоянная концентрация на вопросах духа, самоуглубленное проникновение в психологию творчества придают поэзии Ж. Нажимеденова новые измерения, определяют ее художественное своеобразие. Ж. Нажимеденову также знаком изнурительный труд, когда, по словам В. Маяковского, «изводишь единого слова ради тысячи тонн словесной руды». Отсюда стремление поэта к «повтору» определенного эмоционального состояния, стремление во что бы то ни стало поразить мишень стрелой вдохновения. Поэт нашел специфический образ, передающий эти творческие муки: «не хочет возвращаться с пастбищ мое вдохновение – полукровка-верблюдица».

В современной казахской лирике отчетливо прослеживается тенденция к новаторству по всем параметрам художественного творчества.

О, сладость этих мыслей,
человек не в силах насытиться ею.
Излишняя сладость выдолбит горло.

Надежда – красивая бабочка,
 Облетающая все цветы.
 О, горечь этих мыслей,
 Горечь, горечь...

Обращает на себя внимание структура неравносложных строк со свободной рифмой. Автором удачно использованы приемы народной поэтики. Вместе с тем Ж. Нажимеденов не увлекается игрой метафорических ассоциаций, не спекулирует возможностями аллитераций, характерных для казахской поэзии. Строгий, даже аскетичный строй стихотворения хорошо гармонирует с глубиной философской концепции автора. Тонкая нюансировка семантических оттенков делает богатым стих как бы изнутри. Метафорический ряд говорит о стилистических поисках поэта, лежащих в русле общестилистических поисков современной поэзии. Использование двусложных внутренних рифм в конце строки придает стихотворению традиционный ритм казахского поэтического повествования («жыр»), основанного на повторяемости созвучных слов: «ояр болар» – «соған қонар» – «обал болар» и т. д.

Ж. Нажимеденов естественен в своих поэтических экспериментах. Его художественные изыскания ставят целью максимальное освобождение смысла от засилья формы, и потому читатель доверяет поэту, видит в нем не просто поэта-современника, а поэта-соратника. Эта особенность Ж. Нажимеденова еще раз говорит о душевной чуткости поэта, его умении нащупать пульс времени. Ж. Нажимеденов, безусловно, мастер художественного штриха. Это позволяет автору до последнего момента держать смысл повествования «в секрете», нередко окрашивая сюжет в легкие, юмористические тона. К примеру, такая житейская, к сожалению, весьма распространенная ситуация, когда человека при жизни преследуют, не дают возможности работать, а после смерти превозносят до небес. «И до того расхвелят в некрологе, что впору мертвому ожить от столь откровенного лицемерия», – горько замечает поэт.

Сегодня прочитал статью о себе,
 Так и скачут из строки в строку громкие эпитеты,
 О коварство жизни! – схватился за голову,
 Волосы дыбом: «Может, я умер?» –
 Ведь в таких выражениях пишутся у нас только некрологи...

Казалось бы, беззаботный, легкий смех, но какие глубины он высвечивает. Здесь уже слышатся саркастические нотки великого Маяковского (это проявляется не только в содержании, но и в архитектонике и ритмике стиха).

Чтобы деталь была выразительной, она должна быть правдивой и глубоко психологичной. Это свойство в особой мере присуще творчеству Жумекена Нажимеденова. К примеру, вот как описывает поэт сцену возвращения домой после долгого отсутствия:

И тогда я не твою вихрастую голову,
 А струны домбры гладил с любовью,
 Прости, сын.

Для выражения этой сложной внутренней раздвоенности автор не стремится отыскать эффектные образы, красочные сравнения. Эти простые, тяжелые, как камень, скупые мужские слова несут в себе истинную художественность, они соответствуют поэтической тональности момента, в то время как любые другие «усиления» были бы фальшивы.

Во многом с этой искренностью, настроенностью только на правдивое отражение действительности связана концепция художественности у Ж. Нажимеденова:

Не хочет возвращаться с пастбищ
Мое вдохновение – полукровка-верблюдица,
Верблюжонка – печаль-тоску
Я привязал дома...
Кол точкой в землю вогнав,
Приточил к нему строптивицу-мысль,
Сильнее крика – шепот,
Пусть поймет наконец.

Да, Ж. Нажимеденов не трибун, не поэт эстрады. «Сильнее крика – шепот» – его поэтическое кредо. Отсюда камерность, даже интимность его лирики. Но как это ни парадоксально – именно эта замкнутость в своих переживаниях выводит автора в космос общечеловеческих проблем, глубоких философских обобщений.

Одари, судьба, меня тонкостью чувств,
В минуты отчаяния дай мне опору,
Ночной водой буду волноваться неприметно,
Ночной воды морщины на моем лице.

Не случайна эта метафора «ночной воды», олицетворяющая собой духовные истоки.

К закату клонится день, к закату,
Тучки-козы рогами уперлись в горизонт,
Время в ярости швыряет снег на лед
По кривым горным скатам...
К закату клонится день, к закату,
В противоборстве тьма и свет,
Тучки-козы одиноко блеют.

Стихотворение не укладывается в привычные определения «пейзажной лирики» – настолько оно динамично, нервно. Совсем не случайно выбрано время «противоборства тьмы и света». В психологии степняка это время отмечено особой семантикой. Казахи называют его «бейуак» – «межвременье». В этот период суток нельзя начинать важные дела, нельзя ссориться и ложиться спать. Особенно тревожно зыбкое состояние человеческой психики. Переходная грань природных явлений ассоциируется с кризисными фазами духовной жизни. «Время в ярости швыряет снег на лед по кривым горным скатам» – этот образ как бы аккумулирует в себе всю динамику сложных процессов человеческой психики.

Поэт знает цену вдохновения, но он ищет его не столько в буйстве и размахе чувств, сколько в их глубине. Не случайна эта метафора «ночной воды»: если гребни бегущих волн олицетворяют творческую интеллигенцию, то «неприметная» ночная вода – это духовные силы народа. Слиться с простым народом, стать частичкой народа – вот цель поэта. Здесь его творческие и духовные истоки. «Глубина заставляет волноваться океан, а не ветер» – это его поэтическое кредо стоит в одном образном ряду с «ночной водой» народной мудрости. В этом отказе от собственного «я», потенции национального самовыражения путем обезличивания автора – суть поэзии Ж. Нажимеденова, продолжающего традиции народного культуротворчества.

Вместе с тем в его стихах бьется пульс современности – хотя совсем необязательны для этого такие атрибуты, как космодромы, миллиарды, парламентарии. Ж. Нажимеденов современен в самой сути творчества, а это важнее.

Вбить решил, что такое «душа поэта»,
Стихами запулеметил, что было сил,
Ни единой строки она не поняла,
Я ее в театр не пригласил.

Внешность и ум, красота и душа – как до обидного часто не совпадают эти категории, не совмещаются в одном человеке. В повседневности мы, пожалуй, не придаем значения этим контрастам, но для поэта они трагичны. Это мальчишескую юность свою вспоминает поэт и по-мальчишески пытается бороться с этой вопиющей несправедливостью: «Она читать не захотела моих стихов, я не стал ножками ее любоваться», «Ни единой строки она не поняла, я ее в театр не пригласил».

Глубокий лиризм в сочетании с даром философского осмысления присущ поэзии Нажимеденова; поэт справедливо считается певцом обычных, «негероических» чувств, в лирике его находит отражение психология рядового человека с его повседневными заботами и волнениями; вместе с тем эта камерность, нетрибунный пафос лирики не мешают поэту достигать значительных высот гражданственности, патриотизма; во многом этому способствует лаконичный, семантически выверенный язык его произведений.

Нажимеденов внес много новшеств в природу образотворчества: художественный образ дается автором не в статике заданности, а в динамике его сотворения, причем эта динамика требует определенной работы мысли и воображения от самого читателя, вовлекая его в «сотворчество» с автором, этому во многом способствует оригинальный язык поэта, насыщенный метафорами, неожиданными сравнениями. Нажимеденов создал новую поэтику слова, придав последнему многоизломность, функциональную и синтаксическую многозначность; стилистика его произведений – поэтикообразующего начала. Практически в стихах Нажимеденова нет «вакуума занимательности», который необходимо было бы заполнить искусственным «нагнетанием страстей» или этнографической экзотикой: поэт живописует жизненные реалии и в художественной форме отражает реализм жизни.

Поэт видит этот обширный мир «глазами своей национальной стихии, глазами всего народа». Конечно, этнографические атрибуты казахского народа выражены в его произведениях с присущей им красочностью и выразительностью, но

национальный характер поэзии Нажимеденова проявляется прежде всего в стихах, посвященных извечным проблемам общечеловеческого бытия. Творчество Нажимеденова в своей строгой цельности, определенности мировоззренческих взглядов, психологической достоверности описаний представляет собой одно из духовно-формирующихся явлений современной казахской лирики.

КАДЫР МЫРЗАЛИЕВ

На какие бы проблемы ни проецировали свое творческое внимание казахские поэты, эти проблемы, как спицы в оси, стыкуются в главной теме – теме Родины. Народ, национальная культура, время – в этих измерениях познается священное понятие Отчизны.

В этих вечерних сумерках в душу мою,
О Великая Степь, войди рокошущим кюем...
(М. Макатаев)

В мире мне встречались высокие горы,
Золото видел и луной любовался,
Но равной закатам в моей Степи –
Нет красоты, западающей в душу...

В четверостишии Отежана Нургалиева выражена специфика национальной эстетики. Степь в казахской лирике не просто географическое понятие, она олицетворение народа, Отчизны:

Мягче лунной постели,
Место, где осенью резвятся жеребята,
Среди всех пяти материков единственное,
Ты – моей души жайляу.

Невозможно перечислить все эпитеты и метафоры, посвященные этому сакральному понятию – «дала» («Степь»), и все же следующее стихотворение К. Мырзалиева выделяется и на этом фоне:

С серых перевалов нагрянуло кочевье чувств,
Седой иней, с грустью вспоминая зиму, тает,
Серый рассвет черной ночи –
Спой, жаворонок, свою утреннюю песню...
Мой брат лихой, ласкавший молчаливым касаньем ладони,
Песня, рожденная печалью души,
Глоток хмельного воздуха,
Серые травы сырой степи...

В чем обаяние этих строк? Наблюдения в области метрики, ритмики произведения мало что проясняют в этом вопросе. Гораздо важнее реалии, которые близки сердцу казаха. К. Мырзалиев – глубоко национальный поэт, он прекрасно чувствует национальную психологию и в своем творчестве ориентируется на ее